

УТВЕРЖДАЮ:

Заместитель директора по научной работе
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Института
филологии Российской академии наук
доктор филологических наук

Ким Игорь Ефимович

12 марта 2020 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения
Российской академии наук (сектор литературоведения)
на диссертационную работу **Корниенко Сергея Анатольевича**
«И.В. ГЁТЕ В ТВОРЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ АКМЕИСТОВ
(Н. ГУМИЛЁВ, О. МАНДЕЛЬШТАМ, А. АХМАТОВА)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности 10.01.01 – русская литература

Диссертационное исследование Сергея Анатольевича Корниенко представляет собой анализ рецепции творческого и научного наследия И.В. Гете тремя «ведущими» акмеистами – Н.С. Гумилевым, О.Э. Мандельштамом и А.А. Ахматовой. Работа состоит из четырех частей: диссертант углубляется в особенности «феноменологической поэтики» акмеистов, соотнося их с идеями и теоретическими наблюдениями Гете; далее – последовательно – в трех главах описывает влияние немецкого классика на творчество и судьбу Гумилева, Мандельштама и Ахматовой.

Актуальность избранной темы заключается в том, что С.А. Корниенко занимается гётевскими заимствованиями в произведениях акмеистов, используя интертекстовую и рецептивную методики. Автор работы комплексно изучает влияние Гете на акмеистов. «Новая стадийность творчества Мандельштама в зависимости от интенсивности и причин обращения к творчеству И.В. Гёте» (с. 12), биографические и художественные основания обращения Ахматовой и Гумилева к творчеству Гете, интенсивность подобных заимствований – данный круг вопросов, затронутых С.А. Корниенко, определяет **научную новизну и теоретическую значимость** проведенного исследования.

Методологической базой для С.А. Корниенко стали труды зарубежных и отечественных представителей интертекстуальной школы литературоведения, сравнительно-исторического литературоведения (В.М. Жирмунского, М.М. Бахтина, С.С. Аверинцева, М.Л. Гаспарова), работы по рецептивным методикам А.А. Ричардса, Л. Розенблат, Д. Принса, Х-Р. Яусса и др., исследования акмеистов и специалистов в области гётеведения.

К сожалению, осталась вне зоны интересов автора диссертации монография Г. Киршбаума «“Валгаллы белое вино”. Немецкая тема в поэзии О. Мандельштама» (М.:

НЛО, 2010). Г. Киришбаум не только комментирует особенности радиопьесы Манделъштама «Молодость Гете» и упоминания Гете, переключки с его творчеством и гетевские подтексты¹ в произведениях Манделъштама («К немецкой речи»; «Американка» – кстати, почему-то не упомянутая в сочинении С.А. Корниенко; «В тот вечер не гудел стрелчатый лес органа», «Пшеница человеческая», «Девятнадцатый век» и др.), но и обосновывает философское и литературно-критическое восприятие Манделъштамом немецкой поэзии второй половины XVIII – первой трети XIX века.

Материалом диссертации С.А. Корниенко послужили поэзия и научные труды Гете; поэзия, эссеистика и проза Гумилева, Манделъштама, и Ахматовой.

В **первой главе** работы «К постановке проблемы рецепции И.В. Гёте в акмеистическом дискурсе» диссертант подробнейшим образом рассматривает понятие «литературной рецепции» и обосновывает, опираясь на работы современных исследователей, «феноменологическую» основу творчества акмеистов, идеи творчества которых, по мнению С.А. Корниенко, соотносятся с философией Э. Гуссерля, который, в свою очередь, явился, как полагает автор работы, продолжателем идей Гете. Соотнеся высказывания немецкого писателя о природе творчества и статьи Гумилева и Манделъштама, созданные в эпоху рождения акмеизма, диссертант делает вывод о близости их методов и способов познания бытия.

Безусловно, предположение, разрабатываемое С.А. Корниенко, интересно и открывает дополнительные возможности анализа философии акмеизма, но, вместе с тем, необходимо отметить, что сравнение отдельных цитат из теоретических работ Гете (и о Гете), Гумилева и Манделъштама не всегда может служить обоснованием стройной теории, поскольку любая предложенная диссертантом цитата может быть применена в гораздо более широком контексте. Например, фраза Гете: “При созерцании вещей, если отбросить все случайное и несущественное, то, что останется, и будет Идеей, в буквальном смысле этого слова“ (с. 40), – не однозначно откликается на «сущность вещи» в теории акмеизма, где «через мир вещей и через человека (последующий уровень творца вещей) пространство собирается как иерархизованная структура соподчиненных целому смыслов»². Скорее все-таки, Гете пишет о развоплощении вещей в Идею – это мысль, близкая символистам.

Образам Гете в поэзии Гумилева посвящена **вторая глава** диссертации. С.А. Корниенко интересуется не только анализ критических работ Гумилева в проекции на труды Гете, но и выявление цитат и реминисценций из произведений немецкого поэта, гетевских сюжетов и мотивов, встречающихся у Гумилева. Автор исследования рассматривает стихотворение “Что я прочел? Вам скучно, Лери...”, сказку “Дитя Аллаха”, поэму “Звездный ужас”, рассказ “Скрипка Страдивариуса”. По мнению диссертанта, образ Мефистофеля у русского акмеиста контаминируется с образом Дон Жуана (“Маргарита”, “Дон-Жуан в Египте”). Сопоставление стихотворений и пьесы

¹ См., например, объяснение первой строфы стихотворения «К немецкой речи» как цитаты из «Блаженного томления» Гете, «из которого, скорее всего, взят образ мотылька-моли, летящей на огонь» (Киришбаум Г. “Валгаллы белое вино”. Немецкая тема в поэзии О. Манделъштама. С. 285).

² Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 242.

Гумилева с «Фаустом» Гете, проделанное автором работы, несомненно, дает возможность увидеть новые подтексты данных произведений.

Хотелось бы, однако, отметить, что Дон Жуан для Гумилева – не однозначно отрицательный (демонический) персонаж, как полагает С.А. Корниенко. Дон Жуан в отличие от Лепорелло – воплощение любви к бытию и всем его наслаждениям (практически акмеистический лозунг!), он открывает персонажам пьесы любовь и истинное блаженство («Вы знаете ль, как пахнут розы, / Когда их нюхают вдвоем / И в небесах поют стрекозы, / Вы знаете ль, как странен луг, / Как призрачен туман молочный, / Когда в него вас вводит друг / Для наслаждений, в час урочный»), недоступное «лакеям», как называет герой нынешнего декана: «Он заключит вас в темный склеп / Крикливых слов и чувств изжитых». Не случайно сам Лепорелло в финале тоскует по прежним временам, а Гумилев свои лирические строки вкладывает в уста именно Дона Жуана.

Влияние Гете на творчество Мандельштама раскрывается в **третьей главе** диссертации, в первом параграфе которой С.А. Корниенко прослеживает биографические параллели в судьбах Гете и Мандельштама (детство – юность – путешествие Гете в Италию/Мандельштама в Армению и т.д.). Возникают очень любопытные аналогии и переключки, разумеется, не имеющие фактологического обоснования и носящие, как правило, случайный характер, но, возможно, в какой-то мере близкие мыслям Мандельштама, который, помимо того, что глубоко знал и понимал немецкую культуру и литературу, при подготовке радиопьесы «Молодость Гете» подбирал «эпизоды из жизни Гете, которые считал характерными для становления каждого поэта, поскольку и сам он пережил нечто подобное» (Н.Я. Мандельштам).

Диссертант описывает значение естественно-научных трудов и поэзии Гете в творческом восприятии русского поэта, используя его эссеистику 1920-х годов и поэзию начала 1930-х. Особое внимание автор работы уделяет образам Прозерпины и Оссиана, которые неоднократно встречаются и у Гете, и у Мандельштама. Однако, анализируя стихотворение «В Петрополе прозрачном мы умрем», С.А. Корниенко упускает из виду уже прочно утвердившееся в филологии понятие «петербургский текст», обозначенное В.Н. Топоровым. Прозерпина Мандельштама принадлежит призрачному петербургскому мифу, в котором все пронизано гибельностью и апокалипсичностью: «На иной глубине реальности такого рода выступают как поле, где разыгрывается основная тема жизни и смерти и формируются идеи преодоления смерти, пути к обновлению и вечной жизни»³.

К анализу знаменитого мандельштамовского стихотворения «К немецкой речи» можно добавить уже указанную выше отсылку к «Блаженному томлению» Гете, а строки «Сбегали в гроб ступеньками, без страха, / Как в погребок за кружкой мозельвейна» вызывают в памяти «Погреб Ауэрбаха» из «Фауста» Гете.

Заканчивается третья глава анализом воронежского этапа в творчестве Мандельштама, в том числе радиопьесы «Молодость Гёте». По мнению С.А.

³ Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» - «Культура», 1995. С. 259.

Корниенко, этот спектакль в понимании Манделъштама – «не столько биографическая летопись, сколько история души немецкого классика» (с. 152). Диссертант соотносит многие эпизоды “Молодости Гете” с фактами биографии «постановщика».

Автор работы во второй главе затрагивает ряд стихотворений Манделъштама, выявляя в них гетевский подтекст. Можно добавить также, что «Лесной царь» Гете отражается, как минимум, в двух стихотворениях русского акмеиста – «На высоком перевале...»⁴ и «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...»⁵.

В **четвертой** главе работы представлены гетевские рецепции в поэзии Ахматовой (“Алиса”, «И очертанья “Фауста” вдали...», «Даль рухнула, и пошатнулось время...», “Поэма без героя”). Эта часть исследования представляется особенно интересной, поскольку диссертант демонстрирует ахматовскую “Поэму без героя” в «фаустовском» ключе, хотя в некоторых случаях диссертант не всегда четко разделяет типологию и генеалогию. Например, сцену шабаша ведьм в «Фаусте» С.А. Корниенко видит исключительным источником строк Ахматовой: «Словно та, одержимая бесом, / Как на Брокен ночной неслась...». Сюжет шабаша, пляски ведьм принадлежит не только Гете, создавшему свое произведение по мотивам легенды об ученом докторе Фаусте (XVI в.), хотя, согласимся с автором исследования, трудно представить, что Ахматова не имела в виду и Гете, когда писала свою поэму. Кажется, впрочем, что связь здесь (и в некоторых других местах работы) все же скорее типологическая, нежели генетическая (безусловно, хорошо, что она указана, но можно было бы просто сделать разграничение более четким). Кстати, «парадно обнаженная» героиня поэмы отсылает и к «нарядно обнаженной» «Царскосельской статуе» (1916).

Из мелких недочетов отметим досадную опечатку – «в произведениях И.В. Гумилёва» (с. 10) и определение Ф. Шаляпина как «великого русского *тенора*» (с. 174). Вспомним, что глубокий шаляпинский бас отзывается в «Мастере и Маргарите» Булгакова, когда в трубке телефона на дальнем фоне звучит шубертовский романс «Голые скалы – мой приют».

Несомненным достоинством исследования является то, что произведения Гете С.А. Корниенко читал в оригинале, демонстрируя в цитатах свои подстрочники и отдельные комментарии к поэтическому переводу.

В итоге можно отметить, что рассматриваемая диссертация – **завершенное исследование, в котором поставлены обоснованные и достоверные научные положения, и в конце которого даны выводы и намечены дальнейшие перспективы. Результаты работы были апробированы на научных конференциях и опубликованы в 9-ти публикациях (из них 5 в изданиях, рекомендованных ВАК). Результаты и выводы могут быть использованы в практике преподавания в вузах при чтении курсов лекций по истории русской литературы Серебряного века, задействоваться при подготовке спецкурсов и спецсеминаров, при проведении практических занятий, литературных факультативов в старших классах средней школы с гуманитарным уклоном, а также при разработке учебных и методических пособий, что определяет практическую значимость исследования.**

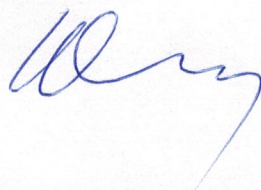
⁴ См.: Куликова Е.Ю. Немецкое и французское в балладном «сне» Осипа Манделъштама // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 121-130.

⁵ Киршбаум Г. “Валгаллы белое вино”. Немецкая тема в поэзии О. Манделъштама. С. 115.

Количество и качество проделанной работы, ее стиль, изложение результатов на 198 стр., адекватное представление текста в автореферате и 9-ти публикациях – все это отвечает требованиям, предъявляемым к исследованиям, представленным на соискание ученой степени кандидата наук, изложенным в пунктах 9-11 и 13-14 действующего Положения о присуждения ученых степеней. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что Сергею Анатольевичу Корниенко удалось следующие задачи – выявить элементы рецепции научного и литературного наследия И.В. Гете в работах О.Э. Мандельштама, Н.С. Гумилева и А.А. Ахматовой; определить функционирование этих элементов в контексте творчества О.Э. Мандельштама, Н.С. Гумилева и А.А. Ахматовой; доказать значимость влияния творчества И.В. Гете на представителей литературной школы акмеизма, обобщить опыт заимствования в масштабах всей поэтической школы. Данные задачи имеют значение для развития такой литературоведческой области, как история русской литературы XX в., а автор диссертации «И.В. Гёте в творческом восприятии акмеистов (Н. Гумилёв, О. Мандельштам, А. Ахматова)» Сергей Анатольевич Корниенко заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01. – русская литература (филологические науки).

Отзыв, составленный доктором филологических наук, ведущим научным сотрудником Института филологии СО РАН Еленой Юрьевной Куликовой (специальность 10.01.01 – Русская литература (филологические науки)), обсужден и утвержден на заседании сектора литературоведения Института филологии СО РАН 12 марта 2020 г., что нашло отражение в протоколе № 2.

Зав. сектором литературоведения
Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Института филологии
Сибирского отделения РАН (ИФЛ СО РАН),
630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8,
тел./факс: (383) 330-15-18, silantev@post.nsu.ru

 И.В. Силантьев

Подпись И.В. Силантьева заверяю.

Начальник отдела кадров
ИФЛ СО РАН

12.03.2020

Э. Б. Зульфигарова